

2204

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПОЭТА АНАТОЛЯ ВЕРТИНСКОГО

Двадцать назад в Москве, в Союзе писателей СССР по улице Воровского, шло обсуждение молодой белорусской поэзии. Прекрасный поэт и переводчик, наш земляк Дмитрий Михайлович Ковалев, которого все уважали, прислушивались к его голосу, выступая на том обсуждении, как всегда, был немногословен:

— Прежде чем говорить о поэзии Анатолия Вертинского, — сказал он, — я прочитаю одно стихотворение молодого поэта, оно не требует комментариев — перед нами настоящий поэт.

И он прочитал стихотворение А. Вертинского «Мама мыла раму». Самые первые слова, которые мы прочитали в букваре первоклассниками, а потом записывали неуклюжими буквами в тетрадь: «Мама мыла раму», — поэт так обыграл, что они, как говорят, тронули за сердце, взволновали каждого, кто присутствовал на обсуждении: о самом дорогом человеке — матери — молодой поэт сказал трогательно, искренне и так поэтично, как может сказать лишь только настоящий поэт.

— А вот стихотворение «Реквием», — продолжал Ковалев, — написано совершенно в другом плане, в нем и форма совсем иная: в нем воедино слились и боль, и боевая публицистика поэта-гражданина. Также, на первый взгляд, в «Реквиеме» поэт не поднимает глобальных вопросов, говорит о пережитом нашим народом во время Великой Отечественной войны, но он нашел такие сильные образы, которые никогда раньше не встречались ни у одного поэта, пишущего о войне, о трагедии нашего народа: погиб, как каждое четвертое дерево в лесу, каждый четвертый человек — пронзительностью души, пронзительностью настроения отличались эти стихи тогда еще молодого поэта (Анатолий Вертинский был автором двух

поэтических книг). Все выступающие говорили о нем как о поэте, который пришел в литературу со своим голосом, своим видением мира. Особенно высокую оценку получил второй сборник А. Вертинского «Тры цішыні» («Три тишины»). Стихи из этого сборника, переведенные на русский язык, привлекли пристальное внимание к поэту всесоюзного читателя своей острой современностью.

И хотя за это время не так уж и мно-

ни, он мечтает «аб трудных, цярністых шляхах з іх круцізнаю, з іх небяспечнай згадкаю», он будет идти по ним, пока будет иметь силу в ногах; с непоправимой утратой, ложью он никогда не примирится.

Поэт и его лирический герой, как говорят, «от мира сего», они неоднократно подчеркивают свою слитность с окружающими, стремятся сопоставить их поступки с поступками всех граждан страны. Умение быть

— не сторонний наблюдатель всего того, что происходит в мире. Острое чувство ответственности, органическое гражданское чувство — вот то самое главное, самое характерное для творчества А. Вертинского:

Бачу я: нехта некага любіць.
Гэта іх справа, гэта іх права.
Бачу я: нехта некага губіць.
Тут і мая ўжо справа.

Так происходит формирование натуры лирического героя — человека-гуманиста, который узнает мир и век, чело-

В. Г. Белинский писал, что она является истинным жанром поэзии, кусается, но никогда не теряет свойственных только ей одной качеств. Потому таким сильным в стихах и поэмах А. Вертинского является элемент сатиры, пафос неприятия «неомещанства», пошлости, разных искажений человека в человеке. Для таких стихов, как «Камары», «Што сніцца курам», «Каму каго берагчы», «Час выбівання дываноў», характерны гротескно-комические интонации, с ге-

лирико-психологическими этюдами «Колькі лет, колькі зім!» («Сколько лет, сколько зим!») построена на крепко сцементированном фундаменте, дает ясное представление о широком диапазоне поэта. Эскурсы в прошлое тесно переплетены с сегодняшним днем. В поэме хотя и нет героя, но в каждом стихе — главе мы видим непосредственное присутствие автора, в ней мы находим глубокое раскрытие закономерностей исторического процесса, связь разных эпох.

В поэме на фоне явлений природы — ветра, ливня, жары — наряду с конкретными людьми особое место занимают лирические отступления. От разговора со временем А. Вертинский переходит на разговор с читателем, с близким для него человеком:

Бачу у акне я снег і смерч,
бачу у акне я непагадзь зімнюю.
Стала трывожна за увесь свет,
а перш за ўсё — за сваю любімую.
Як яна, што яна у гэты час,
Калі на свеце лютуе стыхія,
Калі нехта стыне, калі нехта гіне,
калі падзяляе адлегласць нас!
Бачу я у цемрадзі прасвет,
бачу чародку галубіную.
Стала мне радасна за увесь свет,
а больш за ўсё — за сваю любімую.

Таких поэм, отмеченных духом настоящего новаторства, в нашей многонациональной литературе не так уж и много. Тем более приятно, что наш белорусский поэт — один из тех, кто смело идет нехоженой дорогой, вносит свою лепту в общее дело — развитие советской литературы.

Евген КРУПЕНЬКА.

На свою новую орбиту

го книг выпустил поэт («Чалавечы знак», «З'яўленне», «Ветрана»), представить нашу белорусскую поэзию сегодня без имени Анатолия Вертинского просто невозможно. Ибо к поэзии поэт шел своей тропой, он выработал свой стиль, вкус, прекрасное чувство языка, чувство меры. Уже начиная со второго сборника и читатели, и критики — единогласно! — отметили рождение нового поэта — поэта гражданского темперамента, полемика, поэта, ведущего разведку нового в жизни, умело соединяя ее с поисками таких средств образности, которые усиливают гражданское звучание стиха, доходят до каждого сторонника и любителя поэтического слова.

В образной системе им найдено очень точное соединение масштабности и конкретности. Его человек «глядзіць на расінку макавую і цэлае сонца бачыць перад сабой», а взяв обычную ракушку, слышит в ней прибор океанский, он не выбирает гладкой и легкой тропы в жиз-

всегда рядом с читателями — одна из основных черт таланта А. Вертинского, а мастерство поэта-собеседника, поэта — товарища и друга, убедительная репутация человека, стоящего и заслуживающего уважения и доверия, делают его творчество широко известным.

Гляжу — на шлак наводзяць лак.
А вынік?
Вынік зноў плачэўны.
Пад яркім лакам той жа шлак,
а не агонь — жывы, свяшчэнны.
А Праметэй — ён нёс агонь,
Жывы агонь браў на далонь.
Як нам зрабіць, маё тварэнне,
каб ты было — само гарэнне?

Вопрос, поставленный поэтом, далеко не риторический: личность художника своей сущностью должна соответствовать сущности эпохи, главным устремлением должна быть созвучна ей. Поэт

века, у которого горящее сердце, влюбленное в жизнь. У поэта нет стихов расплывчатых и сентиментальных, он напряженно думает об истоках жестокости и доброты. А. Вертинский умеет, на первый взгляд, в традиционной теме найти свое, неповторимое, увиденное только им, иногда в немногословных и простых, но очень емких образах передать силу больших чувств. Он наделен счастливым умением в каждом явлении отличать ее светлую сторону, его оптимизм не надуман — он органически свойствен А. Вертинскому. Разочарование и радость, гнев и печаль, уничтожающий сарказм и светлое озарение идут всегда рядом в его стихах. О юморе, который характерен для поэта во всех его проявлениях, о природе комического в последних сборниках поэта следует написать отдельную статью. «Смешные вершы», вошедшие в книгу «Ветрана», рождены болью в сердце, они пронизаны той неприукрашенной иронией и сатирой, о которой

роями случаются самые необычные метаморфозы, контрастные сближения иногда диаметрально противоположных чувств и явлений высвечивают неожиданно по-новому давно знакомые вещи и представления о них.

Поэзия А. Вертинского многогранная, всегда наступательная, честно выполняет свое назначение. Когда перечитываешь сборники поэта, видишь его как цельную личность. Без трескотни и громких слов, не спеша, как рассказчик, говорит поэт о самом заметном, увиденном и пережитом. Сколько сыновней боли, печали и переживания в его поэмах «Дажынкi», «Заазер'е», «Даруце!».

Поэт горячо любит свою родную землю, нашу добрую и любимую Беларусь. И, известно, эта любовь дает ему возможность смело перейти рамки узконациональных интересов. Его поэма погоды с метеорологическими сообщениями, историческими экскурсами и